

УДК 930.1(091)"1735"

ПОЗИЦИЯ А.П. ВОЛЫНСКОГО ПРИ ОБСУЖДЕНИИ АНОНИМНОГО ПРОЕКТА «ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПРОМЫШЛЕННЫХ НУЖДАХ РОССИИ» 1735 ГОДА

Н. Н. Крючков

Рязанский государственный радиотехнический университет, 390005, Рязань, ул. Гагарина, 59/1
n.n._kryuchkov@mail.ru

Статья посвящена обсуждению в Кабинете министров России анонимного проекта 1735 г. «Об экономических и промышленных нуждах России». Социально-экономические проблемы Российской империи в первой половине XVIII в. обусловили появление множества проектов, посвященных решению текущих или стратегических экономических задач. Документы, сохранившиеся в Российском государственном архиве древних актов, позволяют оценить оригинальность и новизну взглядов участников обсуждения проекта – чиновников высших рангов. Особое внимание уделено А.П.Волынскому, участие которого в составлении и обсуждении подобных документов оказало большое влияние на его карьеру

Ключевые слова: экономический проект, обсуждение проекта, беглые крестьяне, винокурение, политическая карьера, высокопоставленные чиновники, А.П.Волынский, А.А. Маслов, экономические взгляды.

Петровские реформы представляют собой яркий пример радикальных изменений в отечественной истории. Всего за тридцать лет Россия смогла провести модернизацию всех сфер общественной жизни и добиться признания на международной политической арене. Однако звание великой европейской державы досталось новоявленной империи дорогой ценой. Для сравнительно бедной и малонаселенной страны это означало принципиально новый уровень расходов. Актуальными проблемами в этих условиях стали сбор налогов и пополнения бюджета, с одной стороны, и совершенствование малоэффективной экономики страны – с другой. Это предопределило внимание правительства к предложениям отдельных лиц, составлявших разнообразные проекты решения текущих или стратегических задач. Одним из известных «прожекторов» первой половины XVIII в. был Артемий Петрович Волынский, чья яркая, но короткая карьера традиционно привлекала внимание историков и писателей.

Многолетняя государственная деятельность А.П. Волынского во многом была связана с составлением и обсуждением программных документов, носивших в том числе экономический характер. Независимо от того, готовились ли они по поручению начальства или являлись результатом личной инициативы Артемия Петровича, собственные взгляды его не могли в них не отразиться. Однако далеко не всегда представляется возможным оценить оригинальность и новизну взглядов Волынского и сравнить с предложениями других чиновников высшего ранга. В первую очередь это объясняется тем, что некоторые предложения Волынского (в частности, проекты создания конских заводов и проекты реформ в управлении Конюшенной канцелярией) были узкоспециальными и ожидали только одобрения или неодобрения императрицы. Другие же проекты («Генеральный проект») были признаны преступными и не подлежали рассмотрению. В этой связи особый интерес представляет участие А.П. Волынского в обсуждении проекта анонимного автора «Об экономических и промышленных нуждах России».

Прожектерство было чрезвычайно распространено в первой половине XVIII в. не только в России, но и в Европе. Оно поощрялось государями. Благодаря удачному предложению можно было сделать карьеру и разбогатеть. «...Такой проект... состоял из разнородных частей, – отмечал Е.В. Анисимов, – включал в себя самые разные предложения по исправлению и улучшению дел, тем более что исправлять в Российском государстве было много чего...» [Анисимов, 2002, с.338]. Анализируемый проект интересен тем, что благодаря сохранившимся «мнениям» лиц, участвовавших в его обсуждении, можно сравнить и оценить предложения Волынского и других представителей высшего чиновничества.

На наш взгляд, в историографии данной темы можно выделить два направления, которых

придерживались исследователи при рассмотрении проекта. Вслед за С.М. Соловьевым историки В.Н. Строев, С.М. Троицкий и Н.Н. Петрухинцев уделяли больше внимания самому анонимному проекту, критике и защите его экономических предложений чиновниками, последующим распоряжениям правительства [Соловьев, 1893, кн. 10, с. 470–472; Строев, 1910, ч.1, с. 113–134; Троицкий, 1996, с. 48–52; Петрухинцев, 2001, с. 148–174]. В то же время С.М. Соловьев и С.М. Троицкий ограничились обзором мнений лишь некоторых участников обсуждения, а исследование В.Н. Строева не лишено субъективно-эмоциональных оценок.

Второе направление представляют биографические работы И.Шишкина, Д.А.Корсакова и И.В. Курукина. Биографы Волынского, сообщая об участии Артемия Петровича в данном обсуждении и восхищаясь его предложениями, игнорируют предложения других участников обсуждения, в результате чего создается преувеличенное мнение о его способностях [Шишкин, 1860, с. 593; Корсаков, 1877, с. 98–114; Курукин, 2011, с. 192–194].

Анна Иоанновна передала 31 января 1735 г. полученный ею накануне проект в Кабинет министров и велела обсудить его в «генеральном собрании» кабинет-министров, а также лиц, ею особо назначенных [Бумаги Кабинета..., 1898–1915, т.111, с. 29]. Кабинет-министры граф А.И. Остерман и князь А.Б. Черкасский (граф Г.И. Головкин к тому времени уже умер, а П.И. Ягужинский не получил еще назначения в Кабинет), сенаторы фельдмаршал князь И.Ю. Трубецкой, генерал А.И. Ушаков, барон П.П. Шафиров, князь Ю.Ю. Трубецкой, граф М.Г. Головкин, А.Л. Нарышкин и А.А. Маслов, а также президент Адмиралтейской коллегии граф Н.Ф. Головин, генерал-майор А.П. Волынский и князь А.Б. Куракин должны были представить мнения о проекте.

Проект анонимного автора состоял из пяти пунктов, в которых указывались источники улучшения экономического и промышленного состояния России: 1) увеличение податей с инородцев; 2) обложение особым подушным налогом укрывателей беглых в низовых городах; 3) перемещение «старых служб полков» из Нижегородской и Новгородской губерний на «царицынскую линию»; 4) устройство запасных хлебных магазинов и уменьшение числа винокуренных заводов, которые служат только к обогащению немногих частных лиц; 5) учреждение при Сенате особой конторы, чьей задачей был бы сбор сведений с целью правильного разложения податей, контроля за урожаями хлеба и ликвидации последствий неурожаев [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 104. Л.17–79]. 16 апреля 1735 г. в Кабинете министров состоялось слушание мнений о проекте поправления крестьянских нужд и прибавки на иноверцев [Бумаги Кабинета..., т.111, с. 127].

Волынский соглашается как с постановкой вопросов, так и с предлагаемыми мерами стабилизации финансов России. Он полемизирует только по поводу отдельных второстепенных моментов и выдвигает предложения, основанные на собственном опыте губернаторства в Астрахани и Казани [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 104. Л.40–48об.].

Что касается первого пункта проекта, то Волынский полностью разделяет мнение о том, что инородцы платят меньше податей, чем природные русские, при этом зачастую живут они «в самых лучших в государстве хлебородных и во всем изобильных местах» [Там же. Л.40]. Он подчеркивает, что «издревле обыкновенно во всех государствах бывает, что подобные тем иноверцы везде платят *несравнительно* больше подати против подданных единовѣрных» [Там же. Л.40 об.]. Волынский обращает внимание императрицы на то, что если раскольники-христиане платят двойные подати, то почему мусульмане, идолопоклонники и язычники платят столько же, сколько «верные христиане» [Там же. Л.40 об.]. Однако «...необходимо ведать... каковы они, иноверцы, и какие обыкновении в поступках оных народов», а также «...весьма надлежит только в том порядочно с такими иноверцами поступать, чтоб они не столько от прочих разоряемы были, как они ныне разоряются...» [Там же. Л.40 об. –41]. Волынский согласен с анонимным автором в том, что дополнительные подати не надо накладывать на «башкирцев и служивых татар», «понеже опасно от них за то бунтов (которые от них оттого уже и бывали)» [Там же. Л.41].

Во втором пункте автор проекта указывает на то, что крестьяне бегут в основном из бедных губерний и что существующая практика сбора налога за беглых с сельских общин неминуемо приводит к разорению оставшихся крестьян и голоду. Разделяя мнение о необходимости ревизии областей, в основном принимавших беглых, а также о десятикопеечном увеличении податей для укрывателей беглых «для страха вперед», Волынский считает необходимым отказаться от практики возвращения крестьян на место их прежнего проживания, где качество земель зачастую было хуже,

чем на окраинах. Кроме того, за время отсутствия беглых крестьян их наделы приходили в запустение, а возвратившимся необходимо было также построить дом, обзавестись скотом, зерном (на семена и пропитание). В результате по крайней мере три года они были не в состоянии нести повинности ни на помещика, ни на государство. Всего этого можно избежать, если провести тщательную ревизию и оставить беглых крестьян на новых местах проживания [Там же. Л.41 об.–42].

Вместо дополнительного денежного сбора с укрывателей (10 копеек с души) он предлагает брать с них хлебом (по 2 четверика ржи с души), что дало бы 100 тыс. четвертей ржи с 400 тыс. русских ясачных крестьян Астраханской и Казанской губерний, чего было достаточно для годового обеспечения продовольствием Астраханских и Казанских гарнизонов. Кроме того, по мысли Волынского, собранный таким образом хлеб можно хранить «для внезапных случаев», раз в два года заменяя свежим. При этом он опять ссылается на опыт других стран, которые «...запасные с хлебом магазины имеют и содержат, и для того они голоду и не терпят» [Там же. Л.42 об.–43].

Как и при обсуждении первого пункта проекта, Волынский старается показать свои знания по данной проблеме: основываясь на собственном опыте, он указывает другие места, где селятся беглые, – вдоль реки Сакмары (приток Яика) и на «медных и железных» заводах Сибири. Он подчеркивает, что из этих мест беглые не выдаются помещикам: яицкие казаки и владельцы заводов препятствуют сыску [Там же. Л. 43 об.]. Однако отношение Волынского к укрывателям беглых – русским ясачным крестьянам – неоднозначна. С одной стороны, он предлагает пригрозить им повышением подушных податей вдвое, если они не прекратят укрывать беглых, с другой стороны, как и в случае с «иноверцами», предлагает учинить «особливую ясачную канцелярию», где и иноверцы, и русские, платившие ясак, могли бы найти правый суд и защиту от притеснений [Там же. Л. 43].

Относительно третьего пункта проекта – о большем заселении Низового края – Волынский высказывает мнение, согласно которому необходимо собрать сведения о том, сколько имеется «старых служб людей», составить подробную карту низовьев Волги и территории между Волгой и Доном и внутри Царицынской линии и с учетом полученных сведений разместить на них переселенцев [Там же. Л. 44–44 об.].

Волынский поддерживает проект об учреждении запасных хлебных магазинов и более подробно рассматривает вопрос об уменьшении числа винокуренных заводов. Волынский обличает «партикулярных людей... которые все прочие свои промыслы (полезные государству) оставив, да весь капитал свой что имеют, положили в винокуренные заводы и откупы кабацкие, и тем себя только богаты» [Там же. Л.45 об.]. Именно на них он возлагает ответственность за голод во время хлебных недородов в малохлебных губерниях, ссылаясь на свой опыт, согласно которому количество зерна, идущее на «сидение» одной чарки вина, равно количеству хлеба, из которого можно испечь каравай, которым «человек в пищу себе доволен будет четыре дни» [Там же. Л. 45]. Он предлагает ликвидировать винокурни в малохлебных губерниях, даже в ущерб интересам заводчиков, которых он называет «народными вредителями», потому что «из того... целому бедному народу в пропитании будет великая польза» [Там же. Л. 46]. Интересно, что Волынский опровергает доводы тех, кто утверждает, что эти заводы дают пропитание нескольким тысячам бедняков, благодаря чему они могут исправно платить государственные подати. Волынский считает земледелие основой экономического благосостояния России: «... лучшее все изобретение и главные доходы государства российского происходят от *земледельства...*» [Там же. Л. 46] – и указывает на то, что земледelec, привыкнув к более легкой работе, «впредь земледельцем никогда не будет, и не только он сам, но и дети его» [Там же. Л. 46 об.–47].

Волынский разделяет мнение автора анонимного проекта о том, что в «малохлебные» губернии вино можно привозить из «изобильных», и предлагает немедленно уничтожить винокуренные заводы в Московской, Смоленской, Новгородской и Нижегородской губерниях. Также следует провести ревизию не только всех винокуренных заводов империи, но и кабаков, с тем чтобы часть оставить, а остальные «разорить». По мысли Волынского, подобная ревизия позволит «...закрытые откупщицы в том плутовские обманы явно усмотреть и узнать...» [Там же. Л. 47-47 об.].

Волынский заканчивает рассуждение по поводу четвертого пункта проекта вопросом: «Ежели – последнее и то рассудить – чтобы хотя и подлинно мог учиниться некоторый недостаток в сборе кабацких денег оттого, когда сломаны будут в тех местах винокуренные заводы (только я, конечно, того не чаю), да хотя бы и так было, но что из двух, по совести, лучше рассуждать: то ли,

что некоторый будет недобор на кабаках, или то, что народ во многих местах погибнет от голода?» [Там же. Л. 47 об.].

В своих замечаниях на предложение об учреждении при Сенате особой конторы «для изыскания ея императорского величества, всемилоостивейшей государыне и обще государству полезные способы ко исправлению и впредь ко изобретению вновь государственной пользы» Волынский подробно останавливается на внутренней организации конторы и перечисляет состав чиновников, необходимых для ее работы: «...определить одного директора, да двух придать ему советников, и при том одного секретаря и человек десять прочих канцелярских служителей...» [Там же. Л.47 об.]. Он предлагает возложить на контору сбор сведений об урожаях, о ценах на хлеб, о способах доставки хлеба из одной губернии в другую и изыскание средств для ликвидации последствий неурожая и т.п. [Там же].

Для получения более точной информации о Российской империи Волынский считает необходимым составить ландкарты и «... из оных рассматривать и знать о течениях знатных и средних всех в государстве рек, и коммуникации и склонение их, и потому, усматривая, определить, из которой провинции в какую возить на продажу хлеб и проч. И вместо того, что где ныне сухим путем возят, невозможно ль со временем сделать там водяного ходу, и где потребность будет и надлежит там указами определять и сделать пристани и при том потребные магазины и по пропорции мест учинить некоторые поселения, где нет, а надобно быть» [Там же. Л. 48].

Волынский заканчивает рассмотрение проекта лестным утверждением о том, что «сколько достигла слабость ума и рассуждения моего усматривал о том только, что мне по должности и по совести рассудилось в истинную и совершенную ея императорского величества и всенародную пользу». Тех же, кто попытается опровергнуть его мнение, он вежливо и настоятельно просит «оказать... свои резоны с прямыми и ясными доказательствами» [Там же. Л. 48 об.].

В обсуждении проекта приняли участие и другие сановники, чья позиция также заслуживает анализа.

По вопросу об увеличении податей с инородцев самое лаконичное мнение – «согласен полностью» – выразили князья И.Ю. и Ю.Ю. Трубецкие [Там же. Л.39, 56]. Наиболее решительно был настроен президент Адмиралтейской коллегии адмирал Н.Ф. Головин: по его мнению, подати для иноверцев можно увеличить и втрое, имея в виду «резонь», которые «каждому патриоту знать надлежит» [Там же. Л. 49]. Тем не менее торопиться с увеличением податей, считал он, не надо: три-четыре года во всем государстве был неурожай, от которого пострадали и иноверцы, поэтому лучше обождать и провести ревизию с составлением *ландкарт*, после чего можно будет точно судить о возможности повышения подати [Там же. Л.49 об.].

Князь А. Б. Куракин же указывал на то, что чиновники на местах разоряют инородцев своими поборами и дополнительные подати с них, конечно, можно взимать, но сначала их следует защитить от произвола местных властей [Там же. Л. 25–25 об.]. Аналогичного мнения придерживались и кабинет-министры А. И. Остерман и А. Г. Черкасский, также считавшие необходимым упорядочить сбор податей, а «излишние мирские сборы», которые прежде шли на взятки и подарки чиновникам, собирать в казну [Там же. Л.57].

Сенатор граф М.Г. Головкин предложил совместить два дела: распространить христианство среди иноверцев и извлечь из этого прибыль. Для принявших христианство инородцев он предлагал оставить ту же подушную подать, что и для русских крестьян, а остающимся в прежней вере ее увеличить, при этом действуя «с осторожностью» [Там же. Л. 30–31]. С осторожностью призывал действовать и А.И. Ушаков, указывавший на то, что если увеличить иноверцам подать «не осматривая их подлинно особою ревизиею», то они могут не нести новых податей и разбежаться, «в чем воспретить и удержать их тогда будет невозможно» [Там же. Л. 71].

Единодушие проявили сенаторы А.А. Маслов, А.Л. Нарышкин и П.П. Шафиров, отметившие, что иноверцев в два раза меньше, чем указал автор проекта, и, следовательно, ожидаемая прибыль будет меньшей [Там же. Л. 73, 65, 37]. Опираясь на ведомости, к которым они имели доступ, Шафиров и Нарышкин предлагали сначала провести ревизию, чтобы можно было судить о размере возможных податей, Маслов же вообще не считал необходимым идти на столь большой риск из-за столь малой прибыли [Там же. Л.73, 65, 37]. Кроме того, Шафиров, как и Куракин, Черкасский и Остерман, подчеркивал, что если ввести для инородцев прибавочную подать, то необходимо также рассмотреть вопрос, как защитить их от незаконных «...чинимых на них, яко на иноверных и ино-

язычных, нападков от губернаторов и воевод и сборщиков подушных денег, а паче от посыльных к ним за всякими делами и от проезжающих всяких чинов людей взятками и насильным забираем подвод и прочим...» [Там же. Л. 65 об.].

По вопросу о возвращении беглых крестьян можно констатировать единодушие большинства лиц, обсуждавших проект. Беглых необходимо возвратить, а укрывателей оштрафовать, но средства, предлагаемые для этой цели, различались.

Князь А.Б. Куракин, например, предлагал просто возвращать беглецов с окраин, в том числе с заводов Урала и Сибири, и оштрафовать их укрывателей [Там же. Л. 26–26 об.]. С ним «согласны полностью» были И.Ю. и Ю.Ю. Трубецкие. [Там же. Л.39, 56]. Сенатор граф М. Г. Головкин считал, что необходимо провести специальную военную операцию на территории Польши, для того чтобы вернуть крестьян, бежавших от голода из Смоленской губернии. Кроме этого, он предлагал облегчить население приграничных районов в подушном окладе, чтобы лишить их желания бежать за границу, а также «разложить» подушный оклад «смотря по состоянию крестьян» [Там же. Л.31 об. –32 об.].

Самое жесткое и вместе с тем оригинальное разрешение проблемы побегов крестьян предложили несколько человек – кабинет-министры граф А. И. Остерман и князь А. Г. Черкасский, сенаторы П.П. Шафиров, А.Л. Нарышкин и А.И. Ушаков. По их мнению, прибавочные 10 копеек подати – это «вечный штраф», который не эффективен, поэтому земли, на которых селятся беглые крестьяне, следует отдавать их господам. Население окраин, охотно принимавшее беглецов, не желает терять свои земли и перестанет их принимать [Там же. Л.58–59, 67, 37 об., 71 об.]. За «генеральную ревизию» по всей стране высказались сенаторы Маслов, Шафиров, Ушаков, Головкин и адмирал Головин, указывая на то, что беглецы могут переходить из одной местности в другую [Там же. Л. 73 об., 67 об., 71 об., 50–51, 32]. Внимание Шафилова и Ушакова привлекли вопросы, связанные с личностью ревизоров. Они рекомендовали поручить ревизию «людям беспристрастным, заслуженным и совестным» и отправить ревизоров не в «свои», а в другие районы [Там же. Л.67 об. (П.П.Шафиров), Л.71 об. (А.И.Ушаков)].

Особое мнение выразил обер-прокурор А. А. Маслов, занявший принципиально иную позицию по данному вопросу. Во-первых, он высказался за проведение «генеральной» ревизии во всей империи и против введения десятикопеечной прибавки к подати, но объяснил, что после любой ревизии и возвращения беглых произойдет опустение целых областей и полки, расположенные там, содержать будет не на что [Там же. Л. 73 об.–74]. Во-вторых, решение вопроса он видел 1) в умножении «с добрым порядком всяких горных и минеральных всяких дел»; 2) «в исправных таможенных и кабацких сборах и в размножении коммерции и в лучшем и безобидном содержании купечества»; 3) «в добром и беспристрастном содержании земель, казенных всяких товаров в Сибирском приказе так и в коммерции»; 4) в чеканке монеты из иностранной валюты; 5) «в смотре чтобы излишних напрасных расходов как в содержании армии, так и других статских не было»; а прежде всего 6) в том, «чтоб всех государственных приходов и расходов порядочной и по вся годы исправной был счет» [Там же. Л. 74 об. –75].

Третий пункт проекта также не вызвал серьезных разногласий: большинство обсуждавших согласилось с предложением переместить «старых служб полков» на границы империи. При этом практически все заявили о необходимости составления ландкарт с описанием новых мест и только после этого переселения людей. Расхождения касались частных вопросов. Так, Ушаков предлагал не выводить в течение нескольких лет армейские части из мест переселения [Там же. Л. 72], Шафиров считал необходимым подготовить землю и дома для переселенцев и оказывать им помощь в течение первых лет, ссылаясь на пример «безвременного переселения в Азов» [Там же. Л. 68 об.]. Н.Ф. Головин предлагал переселять «однодворцев» по частям [Там же. Л. 51], а М.Г. Головкин – поселить в приграничных районах отставных солдат и матросов, а также донских казаков [Там же. Л. 33–33 об.]. Разрешить переселенцам продажу своих земель, «дабы впредь к возвращению на старые жилища надежды не имели», советовал князь Ю.Ю. Трубецкой [Там же. Л.56]. Опасение по поводу того, кто останется в слободах переселенцев и станет выполнять их обязанности, высказали только сенаторы Нарышкин и Шафиров [Там же. Л.68 об., Л. 37 об.].

Против третьего пункта проекта выступил обер-прокурор А.А. Маслов, объявивший, что создание новых ландмилицких полков – дело трудное и бесполезное. Помимо опасения того, что внутри государства опустеют «добрые земли», где проживали «большими слободами» «старых

служб люди», у него появлялась уверенность в том, что если их переселить, то нарушится сбор денег для артиллерии [Там же. Л. 75 об. –76 об.].

Маслов предложил использовать «старых служб людей по их прежнему назначению, исключив из подушного оклада по согласованию с Военной коллегией для 1) службы при воеводах, чтобы «города и канцелярии караулом содержали»; 2) поимки разбойников; 3) различных посылок и т.п., освободив от этого армейские полки [Там же. Л. 77–77 об.].

В вопросах о создании хлебных магазинов и об уменьшении винокурения обсуждавшие проект также были едины. Что касается хлебных магазинов, то, как пишет Шафиров, «сочинение магазинов в удобных местах в государстве есть вещь высокопотребнейшая», указывая, что предполагалось устроить подобные в Смоленской губернии, но из-за опасения повышения скупкой цены на хлеб этот проект временно отложили [Там же. Л. 69]. Головкин предлагал создавать магазины также в поместьях и вотчинах [Там же. Л. 35], а Головин – принудительно скупить у купцов хлеб, обеспечив им прибыли по 10 копеек на рубль, и собрать на пристанях в магазины; такого же мнения придерживался А.А. Маслов [Там же. Л. 52, 78].

Винокурение следовало ограничить, сделав исключение только для регионов со стабильно высокими урожаями. Обер-прокурор А.А. Маслов предлагал уменьшить не только количество винокуренных заводов, но и число лиц, пользовавшихся правом владения ими [Там же. Л. 79 об.]. Кабинет-министры граф А. И. Остерман и князь А. Г. Черкасский, сенаторы И.Ю. и Ю.Ю. Трубецкие указывали, что винокурение ведет не только к «дороговизне в хлебе», но и к уничтожению лесов и дорогавизне дров [Там же. Л. 62-63, 39 об., Л. 56 об.]. Нарышкин рекомендовал не уничтожать заводы в малохлебных губерниях, а лишь временно запретить производство вина [Там же. Л. 38]. Сенатор граф М. Г. Головкин предложил передать решение этого вопроса губернаторам, которые должны в зависимости от урожая дать или не дать разрешение на винокурение, а также временно закупать вино на Украине и в Польше, но не делать этого на постоянной основе, иначе начнется утечка серебра за границу [Там же. Л. 36]. Шафиров считал возможным закрыть часть заводов, но действовать при этом с осторожностью, собрав точные ведомости, так как нельзя отказываться от «обыкновенных доходов» [Там же. Л. 69 об.].

Не столь едины обсуждавшие проект были в мнении о запрете малых кабаков в селах и деревнях. Если Шафиров указывал, что от них «...кроме вреда государственного и пристанища ворами и разбойникам и беглым мало или и никакого прибитка нет» [Там же. Л. 69 об.], то Ушаков, Головкин и Головин предлагали отдать их на откуп помещикам [Там же. Л. 72 об., 52 об., 36]. «Свои» помещики, по мысли Ушакова, не будут так, как «посторонние» откупщики, разорять крестьян и будут исправнее платить кабацкие сборы [Там же. Л. 72 об.].

Вопрос о составлении карт и сборе сведений об экономическом состоянии регионов сам по себе не вызвал споров. Мнения разделились лишь по вопросу о том, кому доверить сбор сведений – Сенату или специальной комиссии. В пользу первого приводились соображения экономии, в пользу второго – загруженность Сената текущими делами. Любопытно, что из сенаторов только Ушаков возражал против создания специальной конторы, предлагая организовать экспедицию в камер-коллегии [Там же. Л. 72 об.]. Остальные сенаторы рекомендовали определить «во оную контору несколько благоразумных и трудолюбивых персон» (Шафиров), «добрых и простосердечных людей» (Головкин), которых «никакими другими делами не отягощать» (Нарышкин) [Там же. Л. 70, 36 об., 38 об.]. С ним «согласны полностью» были И.Ю. и Ю.Ю. Трубецкие [Там же. Л. 39, 56], а Маслов писал, что об особенной конторе («о генеральной экономии») он уже «представлял репорт» [Там же. Л. 79–79 об.]. Куракин и Головин предлагали не создавать отдельную контору, а лучше поручить это дело одному из сенаторов [Там же. Л. 29–29 об., Л. 54–54 об.].

Таким образом, на наш взгляд, не стоит расценивать мнение А.П. Волынского как «едва ли не самое дельное» [Шишкин, 1860, с. 593], не стоит восхищаться его «широкими и светлыми воззрениями» [Корсаков, 1877, с. 104]. Среди суждений других чиновников его мнение выделяется тем, что подкреплено подробным практическим анализом последствий интенсивного развития винокурения и предложением оставить беглых крестьян на новых местах (при этом Волынский обошел молчанием вопрос об удовлетворении требований помещиков).

Обзор «мнений» представителей высшего чиновничества о предложенном проекте позволил обнаружить незаурядную фигуру – А.А. Маслова, обер-прокурора Сената. Несмотря на то что действительный статский советник Маслов по Табели о рангах был самым младшим по званию из

принявших участие в обсуждении анонимного проекта, его мнение свидетельствует о способности этого человека находить новые и неординарные решения. Вместо увеличения налогового бремени он предлагает новые источники доходов, вместо сложного и ненужного перевода людей «старых служб» – более разумное использование их на местах. «Его [Маслова. – Н.К.] отличало несколько качеств, дававших возможность занять особую нишу в правительстве: бескорыстие – он не был уличен ни во взяточничестве, ни в казнокрадстве; принципиальность и отвага – он бесстрашно вступал в конфликт с сенаторами, руководствуясь чувством долга; он умел сквозь призму частного явления увидеть государственное значение...» [Павленко, 2002, с. 179]. Что касается остальных участников обсуждения, то многие из них подошли к нему более чем формально. Наиболее лаконичными были мнения князей Трубецких: «согласен полностью». Краткими по форме, но не по содержанию оставались суждения Ушакова и Нарышкина. В целом логика мышления всех участников примерно одинакова: они согласны с большинством предложений автора проекта и если вступают с ним в полемику, то по причине обладания более точными сведениями в силу служебного положения, а также опыта и осторожности.

Результатом обсуждения проекта явилась организация запасных хлебных магазинов; подати с инородцев не были увеличены; вместо уничтожения винокуренных заводов в малохлебных губерниях хлеб покупался за казенный счет для раздачи голодающим. Предложение Волынского оставить беглых крестьян на местах их проживания не было поддержано: большинство лиц, обсуждавших проект, встало на позицию его анонимного автора, требовавшего возвратить беглецов [Корсаков, 1877, с. 108].

Интересно проследить, какую роль сыграли экономические взгляды и предложения Волынского в его карьере – учитывались ли они при назначении его на высшие посты. По всей видимости, Волынскому удалось произвести впечатление на Анну Иоанновну своей компетентностью, четкими и обоснованными рассуждениями. Еще более вероятно, что, по замечанию Д.А. Корсакова, «...лесть, находящаяся в нем понравилась больше действительно полезных и важных соображений» [Корсаков., 1877, с. 108]. По мнению И.В. Курукина, «обсуждение и осмысление таких проблем формировали уровень государственного мышления Артемия Петровича и его представления о путях реформ» [Курукин, 2011, с. 194]. Вместе с тем не стоит абсолютизировать и роль экономических проектов в его карьере: в период, предшествовавший назначению в Кабинет, Артемий Петрович успел отличиться при выполнении многих ответственных поручений. Однако у Волынского не было серьезных соперников в борьбе за вакантное место в Кабинете министров из лиц, участвовавших в обсуждении. После смерти А.А. Маслова в конце 1735 г. П.П. Шафиров был уже стар и в 1736 г. был уволен по прошению с поста президента коммерц-коллегии. Князь И.Ю. и Ю.Ю. Трубецкие также не могли серьезно рассматриваться как его соперники, а князь А.Б. Куракин, пожалованный в 1736 г. званием обер-шталмейстера, явно предпочел придворную карьеру. Остальные были незаменимы на своих постах: бессменный глава Тайной канцелярии генерал А.И. Ушаков, президент Адмиралтейств-коллегии адмирал Н.Ф. Головин, главный директор Монетной канцелярии М.Г. Головкин. На первый взгляд кажется справедливым утверждение Бирона о том, что «... между русскими так мало людей, которых можно употребить в дело, что остается только брать тех, кто есть...» [Герман, 1866, с. 1358]. Однако это не совсем так.

Анализ взглядов Волынского позволяет выделить несколько черт, положительно характеризующих автора. Во-первых, это несомненное стремление «к общей пользе», что прослеживается как в заботе о разведении в государстве лошадей, создании запасов хлеба на случай неурожая, так и в учреждении специального государственного органа, в чьи функции должны были входить создание оптимальной системы путей сообщения и покупка-доставка хлеба из урожайных в неурожайные районы. Ради этого Волынский готов поступиться даже прибыльной торговлей вином. Во-вторых, это забота о русском крестьянине-земледельце, которого он считал основой благополучия государства. Защищая основного налогоплательщика от разорения, он готов обложить дополнительными податями другие социальные группы, найти беглых и даже уменьшить расходы бюджета. Нельзя обвинить Волынского и в пренебрежительном отношении к «иноверцам» и «инородцам»: рекомендуя увеличить налоговое бремя на них по примеру других стран, он предлагал бороться с их бесправием, дававшим почву для злоупотреблений. В-третьих, готовность Волынского учиться у своих коллег: не случайно многие предложения А. Маслова (упорядочение бюджета, наведение порядка в таможенных сборах, «размножение фабрик и заводов») впоследствии войдут в

«Генеральный проект».

Библиографический список

- Российский государственный архив древних актов (РГАДА) Ф.16. Оп. 1. Д. 104. Л.17-79 об.
 Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740, изданные под редакцией А.Н. Филиппова. Юрьев, 1898–1915. Т. 1-12. //Сб. имп. Рус. ист. общества. 1901. Т. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146.
 Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2002.
 Герман Э. Жизнь Волынского, его заговор и смерть // Рус. архив. 1866. №7.
 Корсаков Д.А. Артемий Петрович Волынский: Биографический очерк // Древняя и новая Россия. 1876. №1. 1877. №1, 3, 5, 6, 7, 8., 11.
 Курукин И.В. Артемий Волынский. М., 2011.
 Павленко Н.И. Анна Иоанновна (Немцы при дворе) М., 2002.
 Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны (проблемы формирования внутривластного курса, 1730 – 1740 гг.): дис. ... док. ист. наук. М., 2001.
 Соловьев С.М. История России с древнейших времен//Соч.: в 18 кн. М., 1993. Кн. 10.
 Строев В.Н. Бироновщина и кабинет министров: в 2 ч. Ч. 1. М., 1909–1910.; Ч. 2. СПб., 1910.
 Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966.
 Шишкин И. Артемий Петрович Волынский: Биографический очерк // Отеч. зап.. СПб., 1860. Т.128, 129, 130. Ч.1–4.

Дата поступления рукописи в редакцию 04.11.2014

ARTEMIY VOLYNSKY'S POSITION IN THE DEBATE ON THE ANONYMOUS PROJECT “ABOUT ECONOMIC AND INDUSTRIAL NEEDS OF RUSSIA” IN 1735

N. N. Kryuchkov

Ryazan State Radio Engineering University, Gagarin str., 59/1, 390005, Ryazan, Russia
 n.n._kryuchkov@mail.ru

In early 1735, Anna Ioannovna received an economic project of an unknown author and ordered to discuss it among Russian senior officials. The Cabinet ministers Osterman and Prince Cherkassky, the senators (Field Marshal Prince Trubetskoy, General Ushakov, Baron Shafirov, Prince Trubetskoy, Count Golovkin, Naryshkin and Maslov), as well as the President of the Admiralty Board Count Golovin, Major-General Volynsky and Prince Kurakin, had to submit their views on the project. The anonymous project consisted of five points, indicating the sources for the improvement of economic and industrial spheres of the Russian empire. Among them there were: 1) the increase of taxes from the so called “aliens”; 2) a special poll tax for those who sheltered fugitive peasants in grassroots cities (as punishment); 3) the moving of “old regiments” (the former streltsy) from Nizhny Novgorod and Novgorod provinces to the “Tsaritsyn defence line”; 4) the creation of spare bread stores and the reduction of distilleries; 5) the creation of a special office of the Governing Senate to control the distribution of harvests and taxes. The organization of cereal stores in starving regions was a result of the project’s discussion. The taxation of the “aliens” was not increased; the distilleries were not destroyed, but the Government bought bread to feed the starving people. The proposal of Volynsky to leave runaway serfs in their new places of residence was not accepted. The majority of persons who discussed the project supported the views of the anonymous author.

The analysis of Volynsky’s proposals helps to mark multiple features of his views. He was undoubtedly committed to the common good: he proposed to create grain reserves in case of crop failure and to establish a special state body whose function was to create an optimal system of communication and purchase and delivery of bread from abundant areas into starving ones. He was ready to sacrifice profitable trade with wine for those purposes. He was also concerned of Russian peasants as the foundation of the State's well-being. In order to protect the main taxpayers from ruin he was ready to impose additional taxes on other social groups (such as “aliens” and “gentiles”), to find runaway ones and even to reduce budget expenditures. He still cannot be blamed of neglecting the “gentiles” and “aliens”: he recommended strengthening the tax burden on the example of other countries, but at the same time he proposed to fight with their disenfranchisement which allowed corrupt officials to find the ways for abuse. Volynsky wanted to learn from his colleagues: many of the Chief Prosecutor Maslov's proposals (such as streamlining the budget, bringing order to custom fees, increasing the number of factories and plants, etc.) were used in Volynsky's «General project» later. Apparently, Anna Ioannovna was impressed by Volynsky's competence, clear and thorough reasoning as well as she did like his flattery. However, the role of economic projects in his career should not be ex-

aggregated. Before his appointment to the Cabinet, Artemiy Volynsky had an opportunity to distinguish himself in carrying out many important assignments.

Key words: economic project, discussion of the project, fugitive peasants, distillery, political career, senior officials, Artemiy Volynsky, Anisim Maslov, economic views.

References

- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) F.16. Op. 1. D. 104. PP. 17–79 ob.
Bumagi Kabineta ministrov imperatitsy Anny Ioannovny, 1731-1740. *Sbornik imp. Russkogo Istoricheskogo Obshchestva (Sb. RIO)*. Yur'ev, 1898-1915. Vol. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146.
Anisimov E.V. Anna Ioannovna. Moscow, 2002. 362 p.
Hermann E. Zhizn' Volynskogo, ego zagovor i smert'. *Russkiy Arkhiv*. Moscow. 1866. No 7. PP. 1351-1373.
Korsakov D.A. Artemiy Petrovich Volynskiy. Biograficheskiy ocherk. *Drevnyaya I Novaya Rossiya (DINR)*. St. Petersburg, 1876. No 1. PP. 84-96; DINR. 1877. No 1. PP. 84-96; No 3. PP. 289-302; No 5. PP. 23-38; No 6. PP. 98-114; No 7. PP. 214-234; No 8. PP. 277-295; No 11. PP. 224-254.
Kurukin I.V. Artemiy Volynskiy. Moscow, 2011. 414 p.
Pavlenko N.I. Anna Ioannovna (Nemtsy pri dvore). Moscow, 2002. 384 p.
Petrukhintsev N.N. Tsarstvovanie Anny Ioannovny (problemy formirovaniya vnutripoliticheskogo kursa, 1730-1740). Moscow, 2001. 1025 p.
Soloviev S.M. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen . Vol. X. Moscow, 1993.
Stroev V.N. Bironovshchina i kabinet ministrov. Part I. Moscow, 1909-1910. 322p.; Part II. St. Petersburg, 1910. 77p.
Troitskiy S.M. Finansovaya politika russkogo absolyutizma v XVIII v. Moscow, 1966. 275 p.
Shishkin I. Artemiy Petrovich Volynskiy. Biograficheskiy ocherk. *Otechestvennye zapiski*. St. Petersburg, 1860. Vol. 128, 129, 130.